

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
6 June 2003
Russian
Original: English

Комиссия международного права

Пятьдесят пятая сессия

Женева, 5 мая — 6 июня и

7 июля — 8 августа 2003 года

Четвертый доклад по вопросу о дипломатической защите,

подготовленный Специальным докладчиком г-ном Джоном
Дугардом

Добавление

Содержание

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
В. Предлагаемые статьи по дипломатической защите корпораций и акционеров (продолжение)	106–123	2
5. Статья 21 (Lex specialis)	106–112	2
6. Статья 22 (Юридические лица)	113–123	4

В. Предлагаемые статьи по дипломатической защите корпораций и акционеров (продолжение)

5. Статья 21 (Lex specialis)

Статья 21 Lex specialis

Настоящие статьи не применяются, когда защита корпораций или акционеров корпорации, включая урегулирование споров между корпорациями или акционерами корпорации и государствами, регулируется специальными нормами международного права.

106. В четвертом докладе по вопросу о дипломатической защите обращается внимание на тот факт, что сегодня иностранные инвестиции в значительной степени регулируются и защищаются двусторонними инвестиционными договорами (ДИД)¹. В недавние годы число ДИД значительно увеличилось и в настоящее время, по оценкам, составляет порядка 2000².

107. ДИД предусматривают два варианта урегулирования инвестиционных споров в качестве альтернативы внутренним средствам правовой защиты в принимающем государстве. Во-первых, они могут предусматривать непосредственное урегулирование инвестиционного спора между инвестором и принимающим государством либо в специальном трибунале, либо в трибунале, учрежденном Международным центром по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) согласно Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими и юридическими лицами других государств³. Во-вторых, они могут предусматривать урегулирование инвестиционного спора посредством арбитража между государством гражданства инвестора (корпорации или физического лица) и принимающим государством по делу о толковании и применении соответствующего положения ДИД. Эта вторая процедура, как правило, доступна во всех делах и следствием этого является то, что она усиливает механизм урегулирования споров между инвестором и государством.

108. Когда стороны обращаются к процедурам урегулирования споров, предусмотренным в ДИД, или процедурам МЦУИС, применение норм обычного права в области дипломатической защиты исключается⁴. Как ДИД⁵, так и МЦУИС четко указывают на это⁶.

¹ A/CN.4/530, пункт 17.

² См. промежуточный доклад Джулиан Кокотт о «роли дипломатической защиты в области защиты иностранных инвестиций» Комитету по дипломатической защите лиц и собственности Ассоциации международного права в *Report of the Seventieth Conference*, New Delhi (2002), p. 265. См. также Kenneth J. Vandervelde “The Economics of Bilateral Investment Treaties” 4 (2000) 41 *Harvard International Law Journal* 469.

³ 575 U.N.T.S. 159; (1965) 4 ILM 524.

⁴ См. Кокотт, сноска 2 выше, p. 268; Paul Peters, “Dispute Settlement Arrangements in Investment Treaties” (1991) 22 *Netherlands Yearbook of International Law* 91.

⁵ См. Германо-филиппинское соглашение от 18 апреля 1997 года, статья 9(3) которого предусматривает следующее: «Ни одно из Договаривающихся государств не будет стремиться решать по дипломатическим каналам какой-либо вопрос, переданный на арбитраж до тех пор, пока разбирательство не завершилось и Договаривающееся

109. Процедуры урегулирования споров, предусмотренные в ДИД и МЦУИС дают большие преимущества иностранному инвестору, чем обычная международно-правовая система дипломатической защиты, поскольку они предоставляют инвестору прямой доступ к международному арбитражу и позволяют избежать политической неопределенности, присущей дипломатической защите в силу ее дискреционного характера⁷.

110. Существование специального режима подобного рода, описанного выше, было признано Международным Судом в решении по делу о компании «Барселона трэксн»:

«Таким образом, с учетом нынешнего состояния права защита держателей акций требует обращения к договорным положениям или специальным соглашениям, заключенным непосредственно между частным инвестором и государством, в которое направляются инвестиции. Государства, как никогда часто предусматривают такую защиту, как в рамках двусторонних, так и многосторонних отношений, либо посредством специальных документов, либо в рамках более широких экономических соглашений. Так, защита иностранных инвестиций получила значительное развитие после второй мировой войны либо в форме многосторонних или двусторонних договоров между государствами, либо в форме соглашений между государствами и компаниями. Рассматриваемые документы содержат положения, касающиеся юрисдикции и процедуры в случае споров, касающихся режима в отношении инвестиционных компаний применяемого государствами, в которых они инвестируют капитал. Иногда сами компании надеются непосредственным правом отстаивать свои интересы против государств в рамках установленных процедур»⁸.

111. Суд предпочел рассматривать соглашения подобного рода в качестве *lex specialis* в отношениях между сторонами, предназначенного для установления специального режима защиты инвестиций⁹.

112. Цель статьи 21 заключается в четком указании на то, что настоящие проекты статей не применяются к альтернативному, специальному режиму защиты иностранных инвесторов, предусмотренному в двусторонних и многосторонних инвестиционных договорах. Она выполняет ту же функцию, что и ста-

государство не выполнило или не соблюло положения решения, вынесенного Международным центром по урегулированию инвестиционных споров» (цитируется Кокотт, сноска 2 выше, at footnote 24).

⁶ Статья 27(1) Конвенции МЦУИС предусматривает следующее:

«Ни одно из Договаривающихся государств не будет обеспечивать дипломатической защиты или обращаться с исками международно-правового характера, если речь идет о спорах между его лицами и другим Договаривающимся государством, по поводу которых имеется согласие о передаче или о передаче их в будущем для разрешения посредством арбитража, согласно настоящей Конвенции, за исключением случаев, когда Договаривающееся государство откажется исполнять или совершать действия в соответствии с решением, вынесенным в отношении такого спора».

⁷ См. Кокотт, сноска 2 выше, at pp. 276-277, цитируется в четвертом докладе, сноска 1 выше, at pp. 7-8 (пункт 17).

⁸ 1970 I.C.J. Reports, p. 3 at p. 47 (para. 90).

⁹ См. также *ibid.*, pp. 40-41 (paras 62-63). Cf. Asoka de Z. Gunawardana "The Inception and Growth of Bilateral Investment Promotion and Protection Treaties" (1992) 96 *Proceedings of the American Society of International Law* 544, 550.

тья 55 проектов статей Комиссии об ответственности государств за международно-противоправные деяния¹⁰, и отражает принцип *lex specialis derogat legi generali*. Для применения этого принципа «недостаточно существования двух положений, регламентирующих один и тот же вопрос; между этими положениями также должно существовать какое-либо фактическое несоответствие либо одно из них должно исключать применение другого»¹¹. Существует четкое несоответствие между нормами обычного международного права о дипломатической защите корпоративных инвестиций, которые предусматривают защиту лишь по усмотрению государства гражданства и лишь, с учетом ограниченных изъятий, в отношении самой корпорации, и специальным режимом для иностранных инвестиций, установленным в двусторонних и многосторонних инвестиционных договорах, который наделяет правами иностранного инвестора, будь то корпорация или держатель акций, определяемыми международным арбитражным трибуналом. По этой причине положение, подобное статье 21, является обязательным в настоящем комплексе проектов статей.

6. Статья 22 (Юридические лица)

Статья 22

Юридические лица

Принципы, содержащиеся в статьях 17–21 и касающиеся корпораций, применяются *mutatis mutandis* по отношению к другим юридическим лицам.

113. Четвертый доклад по вопросу о дипломатической защите¹² полностью посвящен конкретному типу юридического лица, т.е. корпорации. Статья 22 применяет нормы, разработанные в отношении корпораций, по отношению к другим юридическим лицам, допуская возможность производства изменений (*mutatis mutandis*) в случае других юридических лиц в зависимости от их характера, целей и структуры. В комментарии к настоящей статье разъясняется, почему акцент делается и должен делаться на корпорацию в настоящем комплексе статей и почему не представляется возможным разработать проекты других статей, касающихся дипломатической защиты каждого вида юридических лиц.

114. В обычном смысле слово «лицо» означает человеческое существо. Однако в юридическом смысле «лицо» является любым существом, объектом, ассоциацией или институтом, которое право наделяет способностью приобретать права и нести обязанности. Юридическое лицо это «не естественное явление, а порождение права»¹³. Правовая система может наделять правосубъектностью любой объект или ассоциацию по своему желанию. Последовательность или единообразность среди правовых систем, в том что касается наделения правосубъектностью, отсутствует.

¹⁰ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 10* и исправление (A/56/10 и Согг.1), пункт 77, комментарий к статье 55.

¹¹ Там же, пункт 4. Не предпринято каких-либо попыток обсудить судебную практику по этому вопросу, как это сделано в комментарии Комиссии к статье 55; там же, пункт 5. См. также Bruno Simma, "Self-contained Regimes" (1985) 16 *Netherlands Yearbook of International Law* 111.

¹² A/CN.4/530.

¹³ J.H. Beale, *Conflict of Laws* (1935), II, para. 120.2.

115. Римскому праву были известны два вида юридических лиц: *universitas personarum* и *universitas rerum*. Первое — это ассоциация лиц, соответствующая более или менее современной корпорации, которая включала *fiscus*, муниципалитеты и *collegia fabrorum* (гильдии ремесленников). Последнее — это совокупность активов и обязательств, образующих самостоятельный правовой субъект, не связанный с каким-либо лицом или лицами: *hereditas jacens* (имущество без владельца) и *pia causa* (благотворительный фонд — совокупность активов, отведенных донором или завещателем для благотворительной цели). В большинстве правовых систем, основанных на римском праве, *universitas personarum* стало корпорацией, а *universitas rerum* — фондом (на голландском языке “*stichting*”, на немецком языке “*Stiftung*”)¹⁴. Однако в средние века *universitas personarum* ограничивался главным образом муниципалитетами и гильдиями, и лишь в XVI веке начала формироваться связь между торговыми компаниями и корпоративными юридическими лицами благодаря возникновению акционерных компаний¹⁵.

116. Юристы ведут споры относительно правовой природы юридического лица¹⁶ и, в частности, относительно порядка появления юридического лица. Согласно теории фикции (связанной с именем фон Савиньи), никакое юридическое лицо не возникает без формального акта инкорпорации государством. Это означает, что орган, иной чем физическое лицо, может получать привилегии, связанные с правосубъектностью, в силу акта государства, которое посредством правовой фикции приравнивает его к физическому лицу с учетом таких ограничений, которые может налагать закон. Однако согласно теории реальности (связанной с именем Гирке), существование корпорации является реальностью и не зависит от признания государством. Если ассоциация или орган фактически действуют в качестве самостоятельного субъекта права, она или он становятся юридическим лицом со всеми его атрибутами, и при этом необходимость в предоставлении правосубъектности со стороны государства отсутствует¹⁷. Какими бы ни были достоинства теории реальности, ясно, что для того, чтобы существовать, юридическое лицо должно получить определенное признание со стороны закона, т.е. определенной внутригосударственной правовой системы. Это было подчеркнуто как Европейским судом, так и Международным Судом. В деле «Дейли Мейл», которое было связано со свободой учреждения, Европейский суд заявил следующее: «следует учитывать, что, в отличие от физических лиц, компании являются порождением права ... Они существуют лишь в силу различных национальных законодательных актов, которые определяют порядок их инкорпорации и функционирования»¹⁸. В решении по делу компании «Барселона трэксн» Международный Суд заявил следующее:

¹⁴ H.R. Hahlo and Ellison Kahn, *The South African Legal System and its Background* (1968), pp. 104–5.

¹⁵ Например, компания «Мусковикам» (1555 год) с монополией на торговлю с Россией, Английская ист-индийская компания (1600 год) и Голландская ист-индийская компания (1602 год).

¹⁶ Согласно Мартиру Вольфу, существует 16 теорий по этому вопросу: (1938) 54 *Law Quarterly Review* 496.

¹⁷ Hahlo and Kahn, сноска 14 выше, at p. 107. См. также Note: “What we Talk about when we Talk about Persons: The Language of Legal Fiction” (2001) 114 *Harvard Law Review* 1745.

¹⁸ ECJ, Case 81/87 *The Queen v. Treasury and Commissioners of Inland Revenue, ex parte Daily Mail and General Trust* [1988] ECR 5483, at para. 19.

«В этой области международное право призвано признавать институты внутригосударственного права, которые играют важную и активную роль в международной области. Это необязательно подразумевает проведение какой-либо аналогии между его собственными институтами и институтами внутригосударственного права и не ставит нормы международного права в зависимость от категорий внутригосударственного права. Это означает только то, что международное право должно признавать корпоративное образование в качестве института, созданного государствами в области, по существу входящей в их внутреннюю компетенцию. Это в свою очередь требует, чтобы, независимо от того, какие правовые вопросы возникают в связи с правами государств в отношении режима обращения с компаниями и держателями акций, в отношении прав которых международное право не установило своих собственных норм, необходимо полагаться на соответствующие нормы внутригосударственного права. Поэтому с учетом релевантности в настоящем деле прав корпоративного образования и его держателей акций согласно внутригосударственному праву Суд должен уделить внимание характеру и взаимосвязи этих прав»¹⁹.

117. С учетом того, что юридические лица являются порождением внутригосударственного права, из этого следует, что сегодня существует широкий диапазон юридических лиц с различающимися характеристиками, включая корпорации, публичные предприятия, высшие учебные заведения, школы, фонды, церкви, муниципалитеты, некоммерческие ассоциации, неправительственные организации и даже товарищества (в некоторых странах). Невозможность отыскания общих и единообразных характеристик всех этих юридических лиц дает одно объяснение того факта, что ученые как в области публичного²⁰, так и частного²¹ международного права в значительной степени ограничивают свое рассмотрение юридических лиц в контексте международного права корпорациями — коммерческими, преследующими цель извлечения прибыли предприятиями, капитал которых представлен акциями, когда существует четкое различие между самостоятельной правосубъектностью корпорации и держателей акций, причем последние имеют ограниченную ответственность²². Однако существует еще одно объяснение этому подходу юристов. Оно заключается в том, что главным образом корпорация, в отличие от публичного предприятия, высшего учебного заведения, муниципалитета, фонда и других таких юридических лиц, занимается внешней торговлей и инвестированием и именно ее деятельность подпитывает не только механизмы международной экономической жизни, но и механизм международного разрешения споров. Дипломатическая за-

¹⁹ 1970 I.C.J. Reports, pp. 34–35(para. 38).

²⁰ См., например, I. Brownlie, *Principles of Public International Law*, 5th ed. (1998), pp. 425, 486; P. Daillier & A. Pellet (eds.), *Nguyen Quoc Dinh's Droit International Public*, 6th ed. (1999), p. 492; R. Jennings & A. Watts (eds.), *Oppenheim's International Law*, 9th ed. (1992), vol. 1, pp. 517, 869; D.P. O'Connell, *International Law*, 2nd ed. (1970), pp. 1039ff; A.A. Faturos, "National Legal Persons in International Law" in *Encyclopedia of Public International Law* (ed. R. Bernhardt), vol. 3, p. 495.

²¹ См., например, L. Collins (ed.), *Dicey & Morris on the Conflict of Laws* 13th ed. (2000), vol. 2, pp. 1101ff; P. North & J.J. Fawcett, *Cheshire & Norths' Private International Law*, 13th ed. (2001), pp. 171ff.

²² Описание этих общих характеристик корпораций см. *Barcelona Traction*, 1970 I.C.J. Reports, p. 34, paras. 40–41.

щита юридических лиц — это главным образом защита иностранных инвестиций. Именно поэтому корпорация является юридическим лицом, которое занимает центральное место в области дипломатической защиты²³, и именно поэтому настоящий комплекс проектов статей касается и должен касаться главным образом этого вида образования.

118. Хотя корпорация является главным юридическим лицом для целей дипломатической защиты, она не является единственным юридическим лицом, которое может нуждаться в такой защите.

119. Прецедентное право Постоянной палаты международного правосудия свидетельствует о том, что коммуна²⁴ (муниципалитет) или высшее учебное заведение²⁵ могут при определенных обстоятельствах квалифицироваться в качестве юридических лиц, граждан того или иного государства. Отсутствуют причины, по которым такие юридические лица не должны иметь право на дипломатическую защиту в случае, если они понесли ущерб за рубежом, при условии, что они являются самостоятельными образованиями, не входящими в состав аппарата оказывающего защиту государства. Поскольку дипломатическая защита — это процесс, предназначенный для защиты физических и юридических лиц, не входящих в число государственных органов, это означает, что в большинстве случаев муниципалитет как местный орган власти и высшее учебное заведение, финансируемые и, в конечном счете, контролируемые государством²⁶, не будут иметь права на дипломатическую защиту.

120. Не преследующие цель извлечения прибыли фонды, состоящие из активов, выделенных донором или завещателем в благотворительных целях, являются юридическими лицами без членов. Сегодня многие фонды финансируют проекты за рубежом в целях содействия развитию здравоохранения, социального обеспечения, прав женщин, прав человека и защиты окружающей среды в развивающихся странах. Если такое юридическое лицо пострадает от международно-противоправного деяния принимающего государства, то, видимо, ему будет предоставлена дипломатическая защита со стороны государства, согласно законам которого оно было создано. Неправительственные организации, отстаивающие благородные цели за рубежом, как представляется, подпадают под

²³ Согласно Броунли, сноска 20 выше, «Одним из главных вопросов, касающихся корпораций, является право на осуществление дипломатической защиты в отношении корпорации и держателей ее акций» (р. 426).

²⁴ В решении по делу «Некоторые германские интересы в польской Верхней Силезии» Постоянная палата постановила, что коммуна Ратибора подпадает под категорию «германского гражданина» по смыслу германо-польской конвенции, касающейся Верхней Силезии, 1922 года, *P.C.I.J. Reports*, Series A, No. 7, pp. 73–75.

²⁵ В решении по делу об «Апелляции на решение чехословацко-венгерского смешанного арбитражного трибунала» (Университет Петера Размани против Чехословакии) Постоянная палата постановила, что университет Петера Размани является венгерским гражданином с точки зрения статьи 250 Трианонского договора и поэтому имеет право на реституцию принадлежащей ему собственности, *P.C.I.J. Reports*, Series A/B, No. 61, pp. 208, 227–232.

²⁶ Частные университеты, такие, как университеты в Соединенных Штатах Америки, имели бы право на дипломатическую защиту, равно как и частные школы, поскольку они имеют правосубъектность согласно внутригосударственному праву.

ту же категорию, что и фонды. Однако Карл Доринг утверждает о другом²⁷. Он отмечает, что:

«неправительственная организация является субъектом права, юридическим лицом, которое получило свою правосубъектность согласно национальному правопорядку. Членами неправительственной организации являются не государства или их правительства, а частные лица, имеющие гражданство иностранного государства, или национальные ассоциации, зарегистрированные в иностранном государстве, или предприятия, зарегистрированные в иностранных государствах. Сама неправительственная организация обычно регистрируется в государстве, где ее правление или штаб-квартира выполняют свои функции, поэтому она имеет гражданство этого государства. Эта инкорпорация неправительственной организации в национальный правопорядок является обязательной предпосылкой ее способности действовать в качестве юридического лица при ведении своих дел, например, при покупке материалов или аренде жилых помещений. Таким образом, неправительственная организация имеет гражданскую принадлежность, несмотря на тот факт, что ее задачи носят международный характер. Однако, поскольку организация не является субъектом международного права, мы вынуждены вернуться к ее национальному статусу, когда речь идет о ее правоотношениях»²⁸.

Однако затем он утверждает, что такая неправительственная организация не обладает достаточной связью с государством ее регистрации, с тем чтобы иметь право на дипломатическую защиту. Ее всемирное членство и деятельность, как он утверждает, создают ситуацию, при которой ущерб международной организации не может, с точки зрения нормы Мавромматиса, рассматриваться в качестве ущерба государству регистрации²⁹. Эта спорная аргументация, которая слишком много внимания уделяет решению по делу Ноттебома³⁰ и слишком мало внимания решению по делу о компании «Барселона трэксн». Тем не менее она подчеркивает тот факт, что разные юридические лица влекут за собой разные вопросы и взгляды, которые не могут быть кодифицированы в одном единственном положении.

121. Бесконечное разнообразие форм, которые могут принимать юридические лица, видимо, лучше всего представлено в товариществе. В большинстве правовых систем товарищества не являются юридическими лицами, и «именно интересы индивидуальных партнеров находятся под защитой международного права»³¹. Однако в некоторых правовых системах товарищества обладают правосубъектностью³², и в этом случае можно предположить, что индивидуальные партнеры будут рассматриваться так же, как и держатели акций. Иллюстрацией этой проблемы является Европейское хозяйственное объединение на основе

²⁷ “Diplomatic Protection of Non-Governmental Organizations” in *El derecho internacional en un mundo en transformación: liber amicorum: en homenaje al professor Eduardo Jiménez de Aréchaga* (1994), pp. 571–580.

²⁸ *Ibid.*, p. 572.

²⁹ *Ibid.*, p. 573.

³⁰ 1955 I.C.J. Reports 4.

³¹ O’Connell, сноска 20 выше, p. 1049.

³² A. Dorrestijn, I. Kuiper & G. Morse, *European Corporate Law* (1994), p. 13. В некоторых европейских странах признается такая форма, как «модифицированная правосубъектность», когда партнеры не имеют ограниченной ответственности: *ibid.*

общих интересов (ЕХО), созданное в соответствии с правом Европейского сообщества³³. Согласно статье 1(2) Постановления о создании этого субъекта, «таким образом сформированное объединение с даты своей регистрации, как это предусмотрено в статье 6, обладает способностью от своего собственного имени иметь права и обязанности всех видов, заключать контракты или совершать другие юридические действия, а также быть истцом и ответчиком». Далее статья 1(3) предусматривает следующее: «Государства-члены определяют, имеет ли объединение, зарегистрированное в их реестрах согласно статье 6, юридическую правоспособность». Поэтому *Одни и те же* виды образований, наделенные *равными* юридическими способностями *единообразным* законом, могут иметь правосубъектность в одном государстве — члене Европейского союза и не иметь ее в другом.

Хотя общее право рассматривает компании и товарищества в качестве совершенно отдельных образований, некоторые правовые системы признают гибридные формы. Например, Германия признает *Kommanditgesellschaft auf Aktien* (KGaA), которая имеет держателей акций, как и в случае с публичной компанией (*Aktiengesellschaft* (AG)), при этом один или несколько из них имеют неограниченную ответственность и, как правило, являются директорами или администраторами. KGaA обладает правосубъектностью и должно иметь по меньшей мере одного генерального партнера; при этом держатели акций в отношениях между собой руководствуются правилами, регулирующими AG³⁴.

122. Цель настоящего краткого обзора некоторых видов юридических лиц заключается в том, чтобы продемонстрировать невозможность разработки отдельных и различных положений для охвата вопроса о дипломатической защите различных видов юридических лиц. Наиболее целесообразным и единственно реалистичным путем является разработка положения о распространении принципов дипломатической защиты, принятых для корпораций, на других юридических лиц, при условии внесения изменений, необходимых для учета различных характеристик каждого вида юридического лица. Предлагаемое предложение направлено на достижение этого. Большинство случаев, связанных с дипломатической защитой юридических лиц, помимо корпораций, будет охвачено проектом статьи 17, который в настоящее время находится на рассмотрении Редакционного комитета в следующей пересмотренной форме:

«Для целей дипломатической защиты корпораций государство гражданства означает государство, согласно законодательству которого корпорация была создана и на территорию которого она имеет свое зарегистрированное отделение или месторасположение правления или некоторую аналогичную связь»³⁵.

Согласно положениям статьи 22, государство должно будет доказывать определенную связь, подобную той, которая описана в статье 17, между собой и потерпевшим юридическим лицом в качестве одного из предварительных условий для оказания дипломатической защиты. Считается, что формулировка статьи 17 является достаточно широкой для того, чтобы охватывать все виды юридических лиц, какими бы различными они ни были по структуре или целям.

³³ Council Regulation (EEC) No. 2137/85 of 25 July 1985 on the European Economic Interest Grouping (EEIG); OJ No. L.199, 31/07/1985, p.1.

³⁴ Сноска 32 выше, pp. 25-26.

³⁵ ILC(LV)/DC/DP/WP.1.

Статьи 18 и 19 не будут применяться к юридическим лицам без держателей акций, в то время как статья 20, в которой идет речь о принципе непрерывной национальности, применяться будет.

123. Латинские выражения по большей части популярностью не пользуются. Однако выражение “mutatis mutandis” является полезным редакционным инструментом³⁶. Разумеется, можно было бы сказать, что «Принципы, содержащиеся в статьях 17–21, в отношении корпораций применяются по отношению к другим юридическим лицам с учетом изменений, которые необходимо произвести, для того чтобы учесть различные характеристики каждого такого юридического лица». Однако благодаря использованию выражения mutatis mutandis эту мысль можно передать в более сжатой и прочной форме.

³⁶ В словаре Брайана А. Гарнера “A Dictionary of Modern Legal Usage”, 2nd ed (1995) говорится, что «“mutatis mutandis” является полезным латинским выражением, используемым в трудах ученых, поскольку его эквиваленты являются гораздо более пространными».